

О работе на заводе станков-автоматов, первых советских социологических исследованиях и о состоянии социологии в России

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1666>

15 января 2014

Собеседник

Ядов Владимир Александрович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 15 января 2014 и опубликована 10 октября 2014.

Введение

Автор первого в России учебника по методологии социологического исследования Владимир Александрович Ядов вспоминает о том, как стал увлекаться социологией, к занятиям которой его подтолкнуло общение с И.С. Коном, о своих студенческих годах и работе на заводе, куда он попал после исключения из партии (Владимир Александрович был исключен в один день с отцом, которого уличили в том, что когда-то он воздержался при голосовании по вопросу о троцкистско-зиновьевской оппозиции). После полугода работы на заводе Ядов был восстановлен в партии и вернулся в аспирантуру. Владимир Александрович, изучая отношение рабочих к труду, стал одним из первопроходцев в области социологических исследований; стажировался в Британии, работал в сотрудничестве не только с учеными стран социалистического лагеря, но и с коллегами из западной Европы и США.

После превращения Института конкретных социальных исследований в Институт социологии АН СССР, Ядов был назначен его директором. Ученый рассказывает, как провел полную реформу структуры института, упразднив отделы и сектора и перейдя на проектную систему.

Заканчивается беседа рассуждениями Ядова о современном положении социологии в России; ученый делится мыслями о состоянии российской науки и реформировании Академии наук.

Юрий Вадимович Самодуров: Я в кабинете Владимира Александровича Ядова, выдающегося социолога, одного из четырех основоположников отечественной социологии — я имею в виду современного времени, не дореволюционной. Поскольку основные посетители сайта — это молодежь, наверное, им интереснее будет, если мы с вами поговорим о ваших мотивах занятия наукой. Как вы к этому пришли? Вы — один из тех, кто всю жизнь посвятил этому делу. Какими мотивами вы руководствовались, как они менялись? Где и как родились, выросли?

Учеба в лётной школе и на философском факультете Ленинградского университета

Владимир Александрович Ядов: Надо сказать, что я давал интервью очень много, и на сайтах при желании можно найти с десяток, в том числе видеоинтервью. Так или иначе собственно наукой — не социологией, а наукой — я начал заниматься из желания что-то больше узнать. Хотя — в биографии моей было все что угодно. Я родился в двадцать девятом году и к моменту [начала] войны был школьником четвертого класса... Ленинградец я по происхождению и сейчас себя ленинградцем чувствую больше, чем москвичом. Говорят: «Истина не зависит от географии». Там я чувствую себя дома, а здесь немножко в гостях, хотя уже освоился. Так вот, после эвакуации, когда я вернулся в Москву с родителями, я пошел в девятый класс в лётную школу, потому что хотелось еще успеть повоевать. А уже война-то шла к концу. В школу я попал, и контроль медицинский при поступлении был не очень основательный. Я прошел этот контроль, а когда начали готовиться к прыжкам с парашютом, обнаружилось, что ни черта я там не умею. Вернее, я с парашютом пытался прыгнуть, но погода не позволила, дождь шел, а после пилот обнаружил, что я плохо ориентируюсь. Надо вылезать на правое крыло или на левое, а я не туда куда-то полез. Стали меня основательно проверять. Вертели на этом... надо было указать, где дверь, где окно, а я тыкал в потолок. И меня перевели из летной школы в школу обслуживающего персонала, а это технари. Я еле оттуда вырвался. Вырвался, вернулся обратно в обычную школу. Война кончилась, кончил десятый класс и поступил на философский.

На философский поступил, наверное, потому, что отец мой был преподавателем истории партии, дома были и Маркс, и Гегель, и так далее, я это пытался читать. Даже «Науку логики» Гегеля — очень сложная штука, но у него есть Малая наука (*малая логика*. — *Ред.*), один томик, и несколько томов основной работы. Я пытался освоить малый, ни черта, наверное, не понимал, но все-таки каким-то словечкам обучился, отец чего-то пояснял — короче, меня это заинтересовало. И пошел на философский, а социологией стал заниматься случайно, я об этом рассказывал в разных интервью. Был Игорь Семенович Кон, недавно он скончался, один из основателей. Он меня как-то в коридоре встречает и говорит: «Слушай, Володя, а почему тебе не заняться социологией?» Я говорю: «А что такое социология? Я не знаю».

Ю.С.: Он одноклассник был? Или постарше?

В.Я.: Он был старше меня на пару лет. Он говорит: «Вот у меня есть учебник...» Он как профессор имел право покупать зарубежные книги. А многие из профессуры языка не знали и отдавали ему эту квоту.

” Он много книг покупал за рубежом, и дал мне книжку, учебник по методам исследования. Мне показалось очень интересно, потому что все, что мы спекулятивно, умственно пытаемся понять в нашем обществе, можно посмотреть на фактах, на статистике, на опросах, на суждениях людей. Короче, мне показалось, что это очень здорово.

Ю.С.: На третьем курсе вы были?

В.Я.: Нет, я был тогда преподавателем уже. Доцентом... Не доцентом, а ассистентом или что-то в этом роде.

Ю.С.: То есть вы кончили, успешно, нормально, без скандалов философский факультет...

Исключение из партии и работа на заводе

В.Я.: (*Смеется.*) Кончил... Меня рекомендовали в аспирантуру, я был кругом отличник, сталинский стипендиат, работал в комитете комсомола заместителем секретаря комитета комсомола, член партии, — в общем, жуткий активист, на стройки ездил, и когда поступал в аспирантуру, это был период так называемого второго ленинградского дела. Это арест секретаря обкома, горкома и так далее.

Ю.С.: Кузнецов, Вознесенский...

В.Я.: Да-да-да, Кузнецов, Вознесенский. И под эту кампанию моего отца вторично исключили из партии за то, что он колебался по случаю зиновьевской оппозиции, воздержался при голосовании.

Ю.С.: Но его же за это уже, наверное, исключали?

В.Я.: Он был восстановлен. А теперь вторично.

Ю.С.: За то же самое?

В.Я.: За то же самое.

Ю.С.: Ну, понятно.

В.Я.: А меня — за то, что я не сообщил об отце. Когда я в партию вступал, мой отец был членом партии и преподавал историю партии. Короче, на одном заседании обкома нас обоих и исключили. Я пошел потом работать на завод, но это... Не хочу об этом говорить. А на заводе, поскольку я философ по образованию, меня привлекли к общественной работе: политинформацию на заводе проводить. Политинформацию я проводил очень хорошо, потому что знал народ, и мне все это понятно было.

Ю.С.: Я прошу прощения, а какой завод-то?

В.Я.: Станков-автоматов. Маленький заводик, очень симпатичный. Автоматы эти отправляли почему-то сплошь в Китай. Что эти автоматы готовили — гаечки, болтики, винтики — тыр-мыр, восемь дыр. Это, кстати, имеет значение — опыт работы на заводе, — я работал учеником слесаря-лекальщика. Сначала учеником, потом разряд получил.

Ю.С.: (*Уважительно.*) Лекальщик — это самое...

В.Я.: Это серьезная штука. На резке шлифовки к тому же. Это огромный диск, который надо все время настраивать, держать угол, под микроскопом — специальный микроскоп, и подавать надо было, ну, как называется... приборчик, который шлифует...

Ю.С.: Микрометр какой-нибудь? Нет, доска шлифовальная какая-нибудь.

В.Я.: Забыл как называется... Память...

Ю.С.: Да бог с ним.

В.Я.: ...не работает уже. Надо подавать по миллиметру, чуть-чуть, и проверять по микроскопу. Однажды мой шеф, который, кстати, в партию меня рекомендовал потом, заболел. И я работал один, и я решил: на кой черт я буду подавать по миллиметру? Раз — и запорол деталь, шпиндель станка. Шпиндель станка — это его сердце, можно сказать. От качества шпинделя зависит всё. Мастер пришел (мастер был на редкость необычный человек, молодой и никогда не матюгался, очень вежливый, очень симпатичный парень), говорит:

«Ну, Ядов, ты что же натворил, ты лишил премии весь цех, черт бы тебя подрал! Иди!» — «А что иди?» — «Иди, бери заготовку и делай все до своей операции». Это сыграло большую роль в моей последующей научной работе.

Я пошел в заготовительный цех, взял болванку, пошел в первый цех, на обдирку. Рабочий, который меня не знал, разумеется, тут же мне обдирку сделал. Ни один из тех, к кому я обращался, абсолютно не знакомых мне людей, не отказал, — только один делал сразу, а другой говорил: «Зайди через полчаса». Конечно безвозмездно — никаких сигарет, никакой бутылки. Потом я занялся изучением рабочих — вот почему повлияло. Я долго и до последнего времени занимался изучением рабочих. «Отношение к труду» наша главная книга была, «Отношение молодых рабочих к труду, мотивация труда» и так далее. Да и сейчас тоже несколько работ на эту тему. Вот такая история. Вот так я стал социологом.

Восстановление в партии и занятие социологией труда

Я пришел обратно, подал заявление в партию заново, а мой мастер дал мне рекомендацию (он был членом партии), а когда пришли в райком, говорят: «Вас же несправедливо исключили». Сталин помер к этому моменту. И нас с отцом призвали в комиссию партконтроля в Москву, и обоих восстановили. Меня немедленно отправили обратно в аспирантуру.

Ю.С.: А долго на заводе были?

В.Я.: Полгода, чуть больше. Короче говоря, я вернулся в аспирантуру.

Ю.С.: Но впечатления, в общем, были сильные?

В.Я.: Сильные. Очень интересная жизнь, я считаю. Это интересно и полезно, в конце концов. Но когда я вернулся в аспирантуру, стал ассистентом, Игорь Кон меня поймал, говорит: «Почитай». Я почитал, и мы собрали небольшую команду, Андрей Здравомыслов, еще кое-кто, и с помощью декана факультета создали лабораторию социологическую, первую в стране. Пошли изучать бюджет времени рабочих. Это муторная вещь, каждый должен был записывать, что он делал, по минутам буквально, муторная работа, обработка сложная, но интересно. А потом...

Ю.С.: На вас не плевались на заводе? Какие-то люди, мешают работать.

В.Я.: Не-ет, что вы. В то время люди были очень опрашиваемые, респонденты, как мы говорим. Они были очень довольны, что к ним проявляют интерес, с удовольствием рассказывали. И эту сложную утомительную работу: сидеть и каждые десять минут вносить сведения в специально разлинованный листок, что ты делаешь, и дома тоже, — делали с удовольствием, с удовольствием! Потом длительное время — тоже, сейчас совсем не так. Сейчас надоели опросы.

Да, так вот, закончив эту работу, мы решили заняться более серьезным делом и создали, как теперь говорят, проект: отношение молодых рабочих к труду, мотивация труда. Я подробно об этом говорить не буду, но книга получилась очень основательная, она стала своего рода учебным пособием, до сих пор не вышла из употребления. Многие методики, которые мы там применили, до сих пор применяются. Сопоставлять можно, насколько люди довольны были работой, что меняется. Вот так я стал социологом. Случайно. Надо добавить, что никаких факультетов или курсов по социологии не было, все делалось самоучками.

Ю.С.: Но удивительно, что разрешили.

В.Я.: Не только разрешили, а поощряли, потому что в то время планы, пятилетние планы стали называться не планами экономического развития, а планами экономического и *социального* развития. А что такое

социальное развитие? Это и школы, и продолжение обучения, и повышение культуры...

Ю.С.: Я помню, паспорта предприятий составляли.

В.Я.: Да-да-да. А кто будет эти планы сочинять? Социологи. Они должны провести опрос рабочих, подумать, как сократить текучесть кадров, как устроить быт рабочего, досуг. Нас приветствовали. Когда мы шли на завод, то из обкома и райкома звонили на завод: «Примите социологов», — и нас принимали.

Ю.С.: А дирекция завода? Им же лучше, чтобы вас не было, — сор из избы, лишние хлопоты.

В.Я.: Директора заводов были, знаешь, разные. Не скажу большинство-меньшинство, но разные. Бывали такие, которые с удовольствием слушали, им было интересно узнать, что происходит на заводе. И возможно, меры принимали. А были те, которые вовсе не хотели нас, но поскольку звонили из партийного комитета, они вынуждены были.

Ю.С.: Ну это да.

В.Я.: Так что, в общем, препятствий не было для изучения. И рабочие говорили в то время с удовольствием: кто-то интересуется их жизнью. Вот так эту тему мы закрыли.

Ю.С.: А не было какой-то связи... Лет двадцать перед этим был целый институт на Петровке. Я в спецхране чего-то искал, помню.

В.Я.: Сказать, что мы были продолжателями, скажем, традиций Гастева или кого-то...

Ю.С.: Ну да, его Института...

В.Я.: ...научной организации труда — нет, этого не было.

Ю.С.: Ну хоть слышали о нем?

В.Я.: Конечно слышал. Этого нельзя сказать, никак. Почему? Потому что Гастев, его Институт научной организации труда (НОТ), это был НОТ типа Форда. А что такое научная организация труда по Генри Форду, на конвейере? Пришел на работу — у тебя слева должны находиться инструменты, чтобы ты не глядя мог взять то, что тебе надо. Прочисти место, все устрой там — это такая мелочевка организационная. А научная организация труда по-современному — нечто совершенно иное, не похожее на тот примитив, который в гастевские времена был популярен.

Ю.С.: Ну да.

В.Я.: За Гастевым мы не шли. Нас интересовала не научная организация труда, а проверка — не скажу гипотезы, тогда гипотезой назвать это было бы смертельно опасно, — мы хотели проверить, в какой мере труд становится первой жизненной потребностью человека. Поскольку мы идем на всех парах к коммунизму...

Ю.С.: Идем.

В.Я.: ...Уже зрелый социализм построен, а что дальше будет? Дальше будет полный коммунизм. Товарищ Хрущев нам обещал довольно скоро все это совершить. А при коммунизме труд становится первой потребностью, поэтому методик — а у нас было двадцать с лишним методик — много для изучения этой проблемы. Проверяли отношение к труду по документам, масса документов о рабочем, как он работает, характеристики разные. Брали характеристику у профорга, у парторга, у комсорга, его самого спрашивали, является ли он участником движения за коммунистический труд...

Ю.С.: Но это уже совсем формальность.

В.Я.: Это абсолютная формальность. Многие не знали, что они являются таковыми участниками...

Ю.С.: Ну да.

В.Я.: ...а они были записаны как участники движения. В общем, тут долго рассказывать, но так или иначе получили мы...

” А гипотеза у нас была такая: что независимо от того на какой стадии развития находится наше общество, люди, которые заняты более содержательной работой, требующей умственного напряжения, скажем, слесарь-наладчик, более заинтересованы и в большей степени мотивированы содержанием работы, нежели тем, что он за это получил, — зарплатой или прочим.

И мы разделили рабочих на разные категории, начиная от самого простого, элементарного труда, до сложного — наладчик. И гипотеза подтвердилась. Но штука в том, что потом нам удалось связаться с одним американцем, и этот парень... Мы написали письмо в его университет, штат Огайо, университет штата Огайо, и он приехал в Ленинград.

Ю.С.: Это вообще что-то антисоветское.

В.Я.: Ну почему? Пригласили американца, не помню, в каком году, в 1961-м или 1962-м.

Ю.С.: Университет приглашал? Академия?

В.Я.: Университет. Но у нас были отличные отношения с ректором, Александром Даниловичем Александровым. Великий человек академик Александров, он любил очень философов, философию. Кружок был при нем, я входил в этот кружок. Собирались дома, по очереди. Он выдающийся был человек.

Ю.С.: Это математик Александров?

В.Я.: Математик, да. Геометр. Но так или иначе, Хезберг приехал. Красавец такой, стал ухаживать за моей женой, безуспешно, слава богу. Этот Фридрих Хезберг провел на свои деньги опрос по всей Америке об отношении к труду молодых рабочих. Представительная выборка по всей Америке. Это было очень здорово. А данные мы получить не смогли, нам не передавали «сырые» данные, а передавали данные, которые были уже обработаны. Можно, конечно, было и с этим как-то тоже работать, но надо было строить собственные индексы, показатели. Короче, надо было иметь сырые данные, но их не давали.

Стажировка в Британии, получение исходных данных американского исследования

Отвлекусь немножечко, скажу, как я получил сырые данные. Пока шла эта работа, я, конечно, был в Ленинграде, а когда мы закончили и начали писать книгу, ректор университета отправил меня в числе других на стажировку в Англию, стажировку по ВЦЭУ. Тогда только-только заключили договор между Британским Союзом и нашей Академией по обмену студентами, и я в качестве студента, хотя уже был аспирантом, кандидатом наук, поехал в Англию. И вернулся из Англии и стал выездным.

Ю.С.: Сколько там были?

В.Я.: Полный учебный год.

Ю.С.: Ну, это фантастика.

В.Я.: Да. Так или иначе, я вернулся и отправился на какую-то конференцию в Вену. На конференции подходит ко мне высокий парень, красавец по фамилии Маршалл, говорит: «У меня к вам есть посылка от Фредерика Хезберга: табуляграммы нужных вам материалов». Огромный рулон табуляграмм, то есть все эти «сырые» данные.

В Ленинграде прямо у поезда встречает меня соответствующий персонаж, парень из КГБ, говорит: «Владимир Александрович, вам надлежит отдать то, что вам передал Хезберг». Как он узнал, что мне передал Хезберг, я не знаю.

Я подозреваю одного болгарина. Он жив-здоров, не буду его называть, потому что больше не знаю, кто мог сказать. Болгарин этот — свой человек, он должен был сообщить, наверное, что Ядову какой-то «американ» передал... Я сказал: знаешь, я не могу сейчас этот чемодан открывать, давай утром, на работе. Созвал своих ребят, мы стали переписывать, но за ночь не успели переписать, и всё это пропало.

Ю.С.: Они не вернули?

В.Я.: Нет-нет, не вернули. Было второе издание книги «Человек и его работа», там мы все об этом говорим, сравниваем американские и наши данные, но не напрямую, а, так сказать, неаккуратно. Но даже при этом неаккуратном сравнении мы получили результат такой, что и в Америке, и у нас при более содержательной работе отношение к содержанию, мотивация содержания, более высокая, нежели при работе простой. При одной поправке. У американцев всегда на первом месте был мотив: гарантия занятости, чего в СССР не было.

Ю.С.: Не было такой проблемы.

В.Я.: А теперь-то это то же самое.

Ю.С.: А зарплата?

В.Я.: Повторяю, при более низком содержании труда, зарплата, условия труда, идут вверх.

Ю.С.: Понятно.

В.Я.: А при серьезной работе, заставляющей думать, она на втором плане.

Ю.С.: Понятно. И когда вы это сделали, это была, наверное, громкая вещь?

В.Я.: Книга?

Ю.С.: Да, книга.

В.Я.: Книга была очень хорошо принята, мы ее сделали как учебник. Пока я в Англии был, ребята работали над подготовкой текста, я им присылал оттуда всякие советы, и мы сделали книгу великолепно. А я уже там немножко посмотрел, что такое социология, поэтому книга превратилась в своего рода учебник, мы объясняли каждую операцию, приложение для обработки данных было — в общем, учебное пособие получилось.

Ю.С.: Получиться-то оно получилось, а вот дальше как пошло? Ведь дальше были, насколько я помню, в социологии серьезные проблемы.

Социальное планирование на заводе Фиат

В.Я.: Был период, когда социологию активно поддерживали, я говорил: социальное планирование и тому подобное. Потом...

Ю.С.: Но эти паспорта и социальное планирование — это всё, по-моему, как-то на бумаге, нет?

В.Я.: Как всегда у нас: на одних предприятиях это на бумаге, а другие директора и начальство относились к этому серьезно. Возьмите «АвтоВАЗ», там купили всю документацию и технологию у англичан, и первой

машиной нашей была копия «Фиата», легковой машиной. И вместе с этим они были вынуждены, обязаны исполнять все нормы и правила, которые действовали на «Фиате». А на «Фиате» имеется социологическая служба — служба персонала, которая предполагает продвижение работников, составление плана на каждого работника. Это в Италии. Муссолини, кстати, сыграл немалую роль, он же считал себя социалистом.

Ю.С.: Ну да.

В.Я.: Так что немалую роль играл Муссолини в том, что такие правила были приняты на предприятиях. И вот я приезжаю на «Фиат», иду в заводскую лабораторию, очень сильную. Парень из лаборатории говорит: «Я тебе сейчас покажу одно место, посмотри внимательно». Идем на конвейер. Я сажусь, наблюдаю, что происходит. Конвейер идет медленно, не надо торопиться, никакой напряженки нет. Каждый рабочий выполняет операцию на протяжении, скажем, метров пяти. Идет кузов. Если надо делать что-то снизу, кузов поднимается, он спокойно снизу гайковертом что-то там делает. Если надо сбоку, соответственно, кузов опускается. И вот рабочий, которому надо снизу что-то закрутить, ползет вперед и, лежа на предыдущей операции, свою операцию выполняет. А когда кузов подходит к его месту, сидит и курит. У него свой индивидуальный стиль, ему нельзя работать на конвейере. Я говорю: «Ну и что будет?» — «Мы уже направили предложение, чтобы его перевели на другой участок». Вот как там работали. Там помогали людям совмещать свой индивидуальный стиль с тем, что он делает, помогали повышать квалификацию, направляли за деньги — ну, не за деньги, деньги тогда не имели такого значения — направляли учиться, возвращали обратно. Если он становился инженером, устраивали на завод. Это была серьезная работа по социальному планированию.

О востребованности результатов социологических исследований

Ю.С.: Вы стали тогда авторитетом крупным, вас куда-то приглашали, в какие-то партийные органы, министерства? Вы же стали крупным авторитетом. Как-то вас пытались?..

В.Я.: Нет, я бы так не сказал. Приглашали, в основном, на семинары всякого рода. Министерства иногда устраивали семинары для своих работников, на этих семинарах я выступал, а так — нет.

Ю.С.: Понятно.

В.Я.: Эти все штуки писались в виде бумаг, направлялись куда-то, где-то их вычитывали, где-то нет — как всегда у нас. Главное — галочку поставить: исследование выполнено, а уж что там с ним, этим никто не интересовался. Повторяю: кто-то это выполнял и пытался действительно социально планировать, а кто-то нет.

Ю.С.: У вас целая группа уже сложилась тогда?

В.Я.: Конечно, это лаборатория большая.

Ю.С.: Это все при университете?

В.Я.: При университете. Приезжали к нам отовсюду, в том числе из-за границы: болгары, чехи, германцы — из ГДР, я туда ездил, венгры — очень с венграми активно, поляки... Поляки нас учили, правда, больше, потом мы совместно работали. Очень много было связей.

Ю.С.: А платили по договорам или это университет платил?

В.Я.: Смешно сказать: этой проблемы вообще не существовало.

Ю.С.: Не было?

В.Я.: Не было проблемы достать деньги. Трудно поверить. Я писал бумагу, что на исследования мне нужна, не помню, такая-то сумма. Никто не спрашивал отчета даже — ну, отчет-то был, конечно...

Ю.С.: Бухгалтерский, естественно.

В.Я.: Мы получали эти деньги и спокойно транжирили их туда-сюда. Командировки, конференции, оборудование... Не верится, просто не верится.

Ю.С.: Не верится.

В.Я.: Никогда не думали, где достать деньги.

Ю.С.: А в каких годах стали «гайки закручивать»?

В.Я.: Да уже так... в конце 1970-х определенно.

Ю.С.: А в связи с чем?

В.Я.: Просто, наверное, стали понимать власти, что социологи находят что-то такое, что не очень-то хотелось бы обнародовать, как теперь говорят: озвучивать. Вот, например, я был руководителем семинара...

Ю.С.: А действительно находили?

В.Я.: Вот пример приведу. Я был руководителем семинара по социологии при Доме Политпросвета, при обкоме партии в Ленинграде. Иногда собирались там социологи, заводские, как правило, но иногда приходили и другие, даже в КГБ читал лекции по социологии в «большом доме» ленинградском. Короче, идет семинар. На этот семинар приехал академик Митин из Москвы.

Ю.С.: Был такой, да.

В.Я.: Мы с Андреем Здравомысловым докладываем результаты исследования рабочих и говорим, что довольны работой столько-то, недовольны — столько-то, в группе сложного труда вот такая доля недовольных. А он говорит: «Это все хорошо, нам нужны конкретные социологические данные, но нам нужны не всякие данные, а нам нужны те данные, которые полезны, а не бесполезны или даже вредны». Ну, я примерно излагаю.

Ю.С.: Ну да-да, понятно.

В.Я.: Вот тебе отношение.

Ю.С.: В принципе, оно и сейчас, наверное, такое.

В.Я.: Нет, сейчас публикуй что хочешь. В Интернет посмотри — все что угодно есть. И опросы, и Левада-центра — да масса. Все это есть, другое дело, кто учитывает, кто не учитывает. Как относятся к этому.

Ю.С.: Ну, чтобы учитывали, я вообще не слышал. Вы, наверное, тоже.

В.Я.: Насчет того, как учитывают, расскажу еще одну историю. У меня много учеников — бывшие мои студенты, аспиранты — в Эстонии. В Эстонии у меня хутор, я очень дружу с эстонцами. Короче говоря, однажды, давно это было, мы сидим в сауне, пьем пиво и разговариваем с Яком Таммом, мэром города Таллинна и членом парламента. Я говорю: «Як, вот ты член парламента, ходишь в Тоомпеа на заседания. Когда ты в парламенте сидишь, — ты ведь социолог — как ты голосуешь?» —

” «Знаешь, когда я в парламенте, я не социолог, я думаю, какая польза или какой вред будет от этого закона для меня лично. А когда сяду в машину и поеду в свой офис мэра города, я буду думать как социолог. Но когда войду в свой кабинет, я опять буду думать как член парламента». Вот так.

Ю.С.: Да. Ну хорошо, вот сложилась некая школа. Но когда вы начинали, такой специальности не было.

В.Я.: Не было.

Ю.С.: А в университете вам удалось ее ввести?

В.Я.: Нет, как специальности ее не было очень долго. Пятьдесят лет тому назад она стала специальностью, пятьдесят пять — пятьдесят три года, недавно юбилей был. Но была специализация по философии «Конкретные социальные исследования». Эта специализация под названием «Конкретные социальные исследования» и была социология. Только предполагалось, что особой теории у социологии нет. Исторический материализм — это наша общая теория...

Ю.С.: Да. Но вы стали преподавателем.

Курс лекций и учебник по методам исследований

В.Я.: Да, я преподавал в университете курс по методам исследования. Но первый учебник тоже был мой, я его написал, находясь в Эстонии. Эстонцы пригласили меня, Юлий Боулен, он до сих пор жив, хотя болен, дай бог тебе здоровья, Юлий. Он пригласил меня в Тарту, в университет читать лекции для студентов по методам исследований. Я жил в гостинице, в то время в СССР невозможной, — это была частная гостиница, «Парк» называлась. Деревянный дом, на втором этаже, утром я спускался, хозяйка уже знала, что я утром люблю, готовила мне завтрак и говорила: «Когда, профессор, вам подать кофе?» Представляешь?

Ю.С.: Да.

В.Я.: На второй этаж по деревянной лестнице! В общем, я сидел, писал текст, наговаривал его на диктофон. Потом отдавал, ребята расшифровывали, на второй день утром текст был готов, я правил и так далее. И вышла книжка, учебник первый. Маленькая книжечка, на ротапринте. Потом на этой основе издавалось уже десятое, наверное, издание, расширенное.

Ю.С.: У меня какое-то из этих изданий есть.

В.Я.: В последний раз в позапрошлом году.

Ю.С.: У меня более раннее.

В.Я.: Оно пополнялось, менялось, дополнялось.

Ю.С.: Скажите, а в университете эта специальность, она как-то востребована была? Все-таки конкретные исследования...

В.Я.: ...Когда специальность ввели?

Ю.С.: Да.

В.Я.: Легализовали, так сказать. Вообще конкурс был довольно основательный. Хотя я аккуратно это не помню. Но помню одно, что на факультетах социологии было много и девочек, и мальчиков. Я преподавал и в Ленинграде, и здесь, когда в Москву переехал, в МГУ, довольно много было мальчишек, не только девочки — сейчас большинство девочки.

Но сейчас отношение резко изменилось, потому что социологов стало как собак нерезаных, как матросов в Кронштадте, социологи, экономисты, юристы — полно. И самое главное — уровень подготовки ребят, которые идут учиться в вуз, очень низкий.

Ю.С.: В вузах тоже девальвация, слишком много вузов с такими специальностями. Вся история партии переквалифицировалась в политологию, социологию.

В.Я.: Это все правильно, но сейчас уже более квалифицированные преподаватели стали, наверное. Дело в том, что ребята ищут не столько профессию, которая будет связана с наукой, сколько будет связана с хорошим заработком... Вот, скажем, у нас, ниже этажом:

” ребята по окончании идут в какие-то центры, где можно хорошо заработать, а не туда, где можно серьезно наукой заниматься. В аспирантуру идут очень немногие. Но есть «придурки», как говорил Батыгин, на «придурках» все и держится.

Институт социологии АН СССР

Ю.С.: А в связи с чем был переезд в Москву из Ленинграда? Вроде там все так успешно?

В.Я.: Началась перестройка, и Заславская договорилась в ЦК, что надо создать Институт социологии (Постановление было принято ЦК партии, потом Академией наук) и назначить директором Ядова. И меня сюда отправили.

Ю.С.: Вообще говоря, с одной стороны, дурацкий вопрос, а с другой — не дурацкий: что получилось, а что нет?

В.Я.: Из института?

Ю.С.: Из того, что вы хотели сделать?

В.Я.: В институте? Как директор?

Ю.С.: Как директор. Это же большая часть вашей жизни.

В.Я.: Я думаю, что получилось, в общем, все, что я хотел. А чего я хотел? Институт социологии был сформирован вместо Института конкретных социальных исследований. Что это означает? Что у социологии как всякой солидной науки есть своя теория. А своя теория — это не истмат, хотя истмат — это одно из направлений социологии, марксистской социологии. Но масса других теорий, сегодня их очень много.

” Поэтому первое, что я пытался сделать, и удалось это сделать: чтобы все сотрудники серьезно занимались теоретической подготовкой своего эмпирического проекта. И долгое время, не меньше четырех лет, мы в основном занимались теорией.

Ю.С.: А народ вы набирали или он уже был из этих «конкретных исследований»?

В.Я.: Народ... *(Усмехается.)* Это особый разговор, я об этом рассказывал сто раз. Мне пришла в голову такая мысль шальная, можно сказать, идиотская, но не совсем. Ребята называли потом это «Юрьев день». Я объявил, что каждый сотрудник может предложить свою программу исследования и уйти от своего начальника из своего подразделения. И будет конкурс программ исследовательских, и та программа, которая наберет больше желающих в ней участвовать, на основе этой программы можно будет создать научное подразделение. И началось огромное движение. Некоторые руководители остались без сотрудников, потому что они были им неинтересны, сотрудникам, эти руководители. Они сами должны были пойти в то подразделение, в котором руководил кто-то из...

Ю.С.: Ну понятно.

В.Я.: ...кто-то из младших. Это дало колоссальный эффект. Я ликвидировал сектора, отделы и тому подобное. Были исследовательские проекты. Все оказалось очень хорошим, полезным, потому что потом перешли мы на проектную систему, гранты — а гранты получает не отдел, а проекты.

Ю.С.: Проекты, да.

В.Я.: Очень все это удачно получилось. И это существовало у нас очень долго, такая система, потом отделы и подразделения восстановили.

Ю.С.: Ну понятно.

В.Я.: Но вначале было это. Вот это удалось. И долгое время мы занимались теорией, и все наши годовые отчеты — это были отчеты, связанные с самокритикой и критикой. Сотрудники докладывали о своем проекте, и начиналось такое: выяснения, выявление недостатков, ошибок, белых пятен и так далее.

Ю.С.: На Ученом совете? Или как это все происходило?

В.Я.: Годичная научная сессия, на совете.

Ю.С.: Понятно.

В.Я.: А сессии, которые демонстрировала наши успехи, начались только при Дробужева, когда она стала директором. Вот тогда стали демонстрировать успехи.

Ю.С.: Понятно.

В.Я.: Очень мало публикаций в мое директорство. Я считал, что надо накопить материал. Ошибка это была или не ошибка, скорее всего, надо было демонстрировать что-то, но не столько была демонстрация, сколько самообучение, повышение квалификации.

Ю.С.: А сколько вы были директором?

В.Я.: Одиннадцать лет.

Ю.С.: Ну, это серьезно.

В.Я.: Много.

Ю.С.: А тогда директоров выбирали?

В.Я.: Да.

Ю.С.: То есть вы были выбранным?

В.Я.: Сначала назначенным — директор-организатор, а потом выбранным.

О состоянии социологии в России

Ю.С.: Понятно. Вот еще такой, опять же дурацкий вопрос. Сейчас социология — это такая... Ну, грубо говоря, все социологии: социология потребления, социология развлечения, социология секса, социология моды...

В.Я.: ...Да.

Ю.С.: ...вот о социологии труда как-то мало слышно, о всех остальных социологиях слышно больше.

В.Я.: Социология труда, она...

Ю.С.: Да, социология бизнеса, ее тоже как-то вроде не очень слышно. Но вот социологий этих сейчас как собак нерезаных.

В.Я.: Социология труда стала частью экономической социологии. В рамках такого направления, которое называется экономсоциология. Высшая школа экономики занимается этим направлением.

Ю.С.: Это то, что основали Заславская и Рывкина?

В.Я.: Можно сказать, оттуда пошло. Но сейчас Радаев главный человек, лидирующая фигура. Социология труда интегрировалась в экономсоциологию. Исследования по этой проблематике еще ведутся, мы много тоже делаем, но они больше занимаются бизнесом, «ударники капиталистического труда» на первом плане.

Ю.С.: Больно много сейчас этих социологий стало. Вы сейчас сказали, что есть теория, а получается, что их так много, что это скорее методы исследования. Ну, маркетинг такой. *(Смеется.)*

В.Я.: Ты должен знать, что имеется большая теория, гран-теория, это одно. Причем их тоже много, гран-теорий.

Ю.С.: Ну да.

В.Я.: А с другой стороны, есть частные теории, предметные. И одно время, восемь лет я был вице-президентом ассоциации международной и отвечал как раз за создание новых комитетов и так далее. Знаю эту штуку. Комитеты как грибы растут, появляется новый комитет на основе того, что появляется специальная теория. Как ты говоришь, теория секса и чего угодно. И они растут как грибы. Все время департаментализируется наука, дробится на частные. С другой стороны, есть обратное направление — это размежевание границ между дисциплинами, не только между отраслями социологии. Например, изучать трансформацию современного общества надо совместно историкам, социологам, психологам, культурологам, экономистам и так далее. То есть предметно ориентированное направление, куда входят все науки, разные науки — это направление лидирующее.

Ю.С.: Ну уж, раз я позволяю себе такие дилетантские — а по-другому я и не могу — вопросы, позволю себе еще один. Я много лет ходил на ежегодные сессии «Куда идет Россия?»

В.Я.: Да. Я тоже ходил.

Ю.С.: Все гранды там собирались.

В.Я.: Да.

Ю.С.: Потом был такой сборник «Куда пришла...», потом как-то опять по-другому. И вот, когда там сидишь, ощущение, что люди работают, среди них много умных, но ни на что это не влияет абсолютно. В нашем обществе, в нашей стране это деятельность как бы внутри сообщества. Или все-таки не совсем?

В.Я.: Вопрос, конечно, интересный, как говорится. *(Усмехается.)* И надо сказать, что ответ на него можно заранее предугадать. Мы сегодня говорим публично, везде, все кому не лень: «коррупция», то, се, пятое, — обо всем этом говорилось. О том, что вертикаль власти к добру не приведет. О том, что нужно дать гораздо больше власти и возможности самоорганизации на местах. Все это говорилось и говорится. Все это известно. Принимает власть эти советы и учитывает ли выводы, которые на конференциях делаются, — это вопрос к власти, к тому же мэру города Таллинна, когда он, кому будет выгодно — мне или другому. Все так и осталось до сих пор. Ничего нового не произошло. Двадцать заседаний этого симпозиума...

Ю.С.: Конференции.

В.Я.: Этой конференции даром не прошли. Это очень важный материал для анализа, что называется, нашей постперестройки.

Ю.С.: Материал-то важный...

В.Я.: Это очень важно. И будет, наверное, исторически очень ценно. А насколько власти будут

это принимать к сведению, зависит от нас самих, от граждан, какие власти мы изберем. Какой народ, такая его власть.

Ю.С.: Ну, насколько я понял, пока не...

В.Я.: Ну, пока не — вот пока не. Пока массовые опросы и наблюдения говорят о том, что народ довольно инертен.

Ю.С.: Ну хорошо, вот вы были одиннадцать лет директором, и время такое интересное, вы как-то взаимодействовали, я не знаю, с мэрией Москвы, с какими-нибудь департаментами в правительстве? Что-то от вас хотели?

В.Я.: Я был в горбачевское время директором.

Ю.С.: Ну да. Я и говорю, время интересное.

В.Я.: Потом началось ельцинское время. И тогда, и потом, и при Горбачеве, и при Ельцине я довольно часто бывал в Кремле и часто бывал у Горбачева, с ним тоже разговаривал. Я и сейчас в Фонд Горбачева часто хожу. Так что мы были в контакте.

Ю.С.: Ну, а что-нибудь от вас хотели?

В.Я.: Все, что мы говорили, о чем говорили, я это все говорил и Горбачеву, и его советникам, все это было им известно. А решения принимали, исходя из своих соображений.

Ю.С.: Как рассказал ваш мэр.

В.Я.: Да. Точно так.

Ю.С.: Понятно. Ну, хотя бы приглашали. Хотя... И при Ельцине тоже приглашали? Или уже нет?

В.Я.: Да, при Ельцине был Бурбулис.

Ю.С.: Я знаю эту фигуру.

В.Я.: О, это фигура особая.

Ю.С.: Но тоже социолог, преподавал.

В.Я.: Скорее философ.

Ю.С.: Ну, философ, да. У него сейчас центр...

В.Я.: ...Приглашал туда, я там был, и Левада там бывал, и другие. Говорили-говорили...

Ю.С.: Вначале была маленькая группа. Когда маленькая группа, с одной стороны, легче, особой конкуренции нет. А потом появились уже много центров, много групп.

В.Я.: Шарик.

Ю.С.: Пускай шарик. Конкуренция конкуренцией, а солидарность-то существовала какая-то? Существует?

В.Я.: Когда была группа небольшая, была солидарность очень сильная. Мы все оборонялись. Мы оборонялись от научных коммунистов и других. А когда это все стало дозволено и разрешено, солидарность резко пошла вниз. Сейчас ситуация в сообществе очень скверная, в том смысле, что у нас пять социологических ассоциаций, пять! Инициатором этих новых ассоциаций стал Геннадий Васильевич Осипов, академик.

Ю.С.: Есть такой, да.

В.Я.: Ну вот он насаждал эти ассоциации...

Ю.С.: ...чтобы быть президентом.

В.Я.: Даже два конгресса разных было, два года назад, год назад. Один в Уфе, другой в Москве.

Ю.С.: Два конгресса? Ну, это простая вещь...

В.Я.: ...Безобразиие.

Ю.С.: Да это простая вещь, чтобы быть президентом.

В.Я.: Это борьба за власть.

Ю.С.: Здесь ничего сложного нету.

В.Я.: В общем, раздроблено наше сообщество. Надо сказать, что эта тенденция...

Ю.С.: У вас институт громадный.

В.Я.: Не громадный, большой. Он до сих пор работает, по-моему, очень неплохо. Директор ничему не мешает, поощряет все, что достойно поощрения. Я думаю, что наш директор очень...

Ю.С.: ...А аспиранты есть какие-нибудь?

В.Я.: Конечно есть. Есть очень перспективные.

Ю.С.: Ну а вот люди, которые, в моем представлении были основоположниками тоже, китами: Грушин, Заславская, Левада, Здравомыслов, с ними у вас как сложилось? Заславская вас рекомендовала...

В.Я.: Мы вообще все очень друзья близкие, все названные.

Ю.С.: Скажем так: были, потому что...

В.Я.: ...Были, потому что некоторые ушли.

Ю.С.: Ну, да, Заславская...

В.Я.: Мы дружили, поддерживали друг друга, общались часто и так далее.

Ю.С.: То есть доверие все-таки было?

В.Я.: Несомненно, несомненно.

Ю.С.: Наверное потому, что вы начинали в такое время, когда надо было защищаться.*(Смеется.)*

В.Я.: Да, это была плотная очень команда.

О реформировании Академии наук

Ю.С.: Ну, а сегодняшняя ситуация? Меня совершенно поразило, я страшно переживал на самом деле, эта идея, так называемое реформирование Академии наук: всё отобрать, а потом сказать, чем кто будет заниматься. Меня поразило, что практически без борьбы...

В.Я.: Я бы этого не сказал.

Ю.С.: Серьезной борьбы не было.

В.Я.: Я бы этого не сказал. Были и очень основательные протесты, и собиралась масса народу, организованное объединенным профсоюзом Академии наук.

Ю.С.: Я был на этих митингах. Это было, прошу прощения, тысяча человек на Москву.

В.Я.: Но так или иначе...

Ю.С.: ...Ну, тысяча пятьсот.

В.Я.: Так или иначе, было принято решение на год установить мораторий на всякие преобразования. Сейчас действует мораторий.

Ю.С.: Установлен. Вы считаете, что рассосется?

В.Я.: Я не считаю, что рассосется, я считаю, что все будет зависеть опять-таки от нас.

Ю.С.: Отдел-то организован по управлению, забыл, как он... Начальство есть, ему надо отчитываться.

В.Я.: Несомненно организован. Пройдет год, и начнется...

Ю.С.: ...Оно должно чем-то отчитаться, оно подготовит планы.

В.Я.: Я не сомневаюсь. Пройдет год, начнется передел собственности — это первое. Второе: сокращение кадров. Третье: объединение всяких институтов, заодно сокращение кадров.

Ю.С.: Ну да.

В.Я.: Все это предстоит. Но сообщество социологов, ученых, а если поддержат еще люди, не связанные с Академией, — это может как-то и повлиять.

Ю.С.: Ну, вы знаете, я здесь...

В.Я.: ...Чтоб прошло без большой крови.

Ю.С.: Я здесь заинтересованное лицо, потому что тоже был сотрудником Академии наук, когда вот эта ситуация была... Четыре статьи написал через «Эхо Москвы», ходил на заседания Совета молодых ученых, пытался что-то предлагать. Ощущение такое, что... Вот геологические институты тихо, как мышки, письма подписали, и все надеются, что пронесет. А не пронесет. И вот у меня к вам вопрос как к социологу: в социологической ассоциации по этому поводу, сотрудники вашего института шевелились? Хотя тоже не шевелились, я думаю. А Академия наук — это все-таки последняя уважаемая институция в стране, по большому счету...

В.Я.: Церковь не забудьте.

Ю.С.: Ну, церковь, да.

В.Я.: Но я шучу, ладно.

Ю.С.: Я понимаю. Так все-таки... Что еще придает смысл существованию? Интеллект, Академия. Акакой-то борьбы за сохранение... Реформирование нужно, но не такое варварское. Вы, наверное, не знаете, что Фортов перед Новым годом получил орден Александра Невского?

В.Я.: Не знаю.

Ю.С.: Мало кто знает, проскочило, а он его принял. Реакции никакой. Ну, по мелочам...

В.Я.: Я думаю, главное состоит в том, что престиж науки не только в России, но в России в частности, или в особенности, не знаю, очень низкий.

Престиж науки стал очень низким. Кем хотели быть выпускники школ в советское время? Космонавтами и учеными. А сейчас?

И космонавтами не хотят. И учеными тем более. Хотят там, где больше денег можно заработать. Престиж науки резко упал. Поэтому что произойдет с Академией, мало кого волнует из простых людей.

Ю.С.: Так в Академии тоже, получается, мало кого волнует.

В.Я.: В самой-то Академии волнует, конечно. Но если б это было актуальное для граждан страны событие — преобразование или ликвидация, можно сказать, Академии, это повлияло бы как-то на решение.

Ю.С.: А знаете, сотрудники Академии к гражданам страны вообще не обращались и не обращаются, а только все в своем кругу. Я пытался вывести это протест... У меня даже статья называлась «Это касается всех, а не только РАН». Так вот того, что это касается всех, — такого понимания нет.

В.Я.: Так прежде всего *все* мало интересуются. Это касается всех, но эти *все* мало интересуются судьбами науки как таковой, не только Академии, вообще науки. Упал престиж науки, резко упал.

Ю.С.: Упал-то упал...

В.Я.: И упал, между прочим, для обывателя — из-за малых зарплат. Ну что ты, будучи ученым, наскребешь? Ничего. А вот если организуешь свое маленькое дело... Покрышки продавать — это выгоднее, чем искать законы развития природы и общества. Торговля покрышками гораздо выгоднее.

Ю.С.: Ну что же получается, кончилась, что ли, социология? Институт есть...

В.Я.: Нет, ничего не кончается, все имеет продолжение, неизвестно только, какое это будет продолжение. Нет, я оптимистом остаюсь.

Ю.С.: Остаетесь?

В.Я.: Остаюсь. Я думаю, что преобразования, конечно, будут, но наука не умрет.

Ю.С.: Но мотивация все-таки какая-то уже... Мне казалось всегда, что в социологии много людей: Алексеев, Левада, Гордон, Назимова. У всех этих людей был мотив: то, что мы делаем, мы делаем для того, чтобы преобразовать наше общество, сделать его лучше.

В.Я.: Да.

Ю.С.: Вроде это входит в основу профессии...

В.Я.: Согласен, да-да.

Ю.С.: И полное отсутствие обратной связи! Ну, вот эти двадцать конференций хотя бы. *(Усмехается.)* И человек, вообще говоря, выдыхается, перегорает, ну, работать надо, но...

В.Я.: Вот ты назвал Алексеева, он не перегорел, работает активно. Я думаю, что энтузиасты останутся, долго будут работать, так что «но пасаран» — они не пройдут.

Ю.С.: Но на смену кто-то приходит? Какие-то есть хорошие?..

В.Я.: Да, есть. Одна моя аспирантка, например, не буду называть, Олей ее зовут. Замечательная девчонка, много работает, помогает моему приятелю больному, инвалиду, социологу тоже. Есть люди с хорошим сердцем, умом и желанием помочь другому. А есть люди обратного порядка. И всегда на первых держится вся планета в конце концов. Ученых тоже серьезных не так уж много, и не надо много. Так что, я думаю...

Ю.С.: Ну хорошо. Социологических институтов, не институтов, а институций, стало довольно много. Какие,

с вашей точки зрения, сегодня сильны? Ваш институт, вы говорите, на уровне.

В.Я.: Затрудняюсь сказать. Я не хочу...

Ю.С.: Я просто знаю, что в университете...

В.Я.: Нет, это болото, болото.

Ю.С.: Жуть, жуть, болото.

В.Я.: Ленинградский институт неплохой, по-моему.

Ю.С.: А в университетах где хорошая социология?

В.Я.: На первое место я бы поставил Новосибирский, в Академгородке.

Ю.С.: Новосибирский? Все-таки осталось это?

В.Я.: Там два университета, один в городе, другой в Академгородке. В Академгородке факультет, кафедра. Очень сильный, это еще традиция Заславской.

Ю.С.: Там пришла какая-то смена, да?

В.Я.: Там молодцы, молодцы.

Ю.С.: Оттуда все уехали — Заславская, Рыбкин, Бородкин, все.

В.Я.: Нет-нет, там нормально работают, хорошо, там есть преемники Заславской. Потом, очень хороший, по-моему, в...

Ю.С.: Красноярске? Там такой Хван был, по-моему...

В.Я.: *(После паузы.)* ...в Екатеринбурге. Хороший факультет. Там будет следующий конгресс социологов российских, через год, вернее, через два года. Сильный факультет. Еще один город в Сибири есть, но... забыл.

Ю.С.: А какие-то лидеры сегодня есть?

В.Я.: Конечно есть. В разных областях, по разным направлениям свои лидеры. Конечно есть. Из московских, я думаю, Леня Ионин, очень сильная фигура. Вообще говоря, сейчас стала популярной теория, которая называется «Культуральная социология» Джеффри Александера. Так Ионин его предвосхитил. Те мысли, которые Александер сейчас популяризирует, Ионин стал высказывать лет десять тому назад. А смысл таков, что мир не такой, какой он на самом деле, а каким его люди видят, они действуют в соответствии с тем, как они видят ситуацию, что разумно. Леня Ионин эту идею развивает давно, а Александер начал лет десять назад. Есть, есть, есть.

Ю.С.: Потому что вот все-таки ваше поколение — это была такая «могучая кучка».

В.Я.: Сейчас социологов-то стало много, поэтому кучку уже не так легко там найти. А когда мало, легко сказать кто, по пальцам.

Ю.С.: «Могучая кучка», ну да.

В.Я.: Конечно. Это естественно.

Ю.С.: Может, и в геологии то же самое.

В.Я.: Да везде, во всех областях.

Ю.С.: Ну хорошо, спасибо. А поскольку аудитория, которая вас слушает, студенческая, чтобы вы ей сказали? То ли по поводу проблем, то ли по поводу, не знаю, отношений...

В.Я.: Я сказал бы то, что говорю всегда своим студентам: главное, ребята, надо выбирать профессию, специальность по сердцу, надо любить ее. Если ты не любишь свою профессию — ты несчастный человек на всю жизнь. Это даже большее несчастье, нежели не сложившаяся семейная жизнь.

Ю.С.: Ну да, с женой можно разойтись. *(Смеется.)*

В.Я.: Но если ты полюбил свою профессию, она тебе нравится, ты ею увлечен, ты будешь счастливым человек. Я вам этого желаю.